

герман канабеев

ИСК АЖЕ НИЕ

18+

У Канабеева есть фантазия, он пишет живым — понятным, прозрачным — русским языком и думает о людях — о мире, о жизни — обо всем том, что каждый день видит вокруг себя. В общем, это и есть формула хорошей прозы. Но кроме того Канабеев еще умеет в ядреный коктейль замешивать тотальную иронию и пронзительный лиризм — что делает его рассказы прозой уже блестящей.

Вадим Левенталь

Короче говоря. Повести и рассказы современных авторов

Герман Канабеев

Искажение

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Канабеев Г.

Искажение / Г. Канабеев — «Эксмо», 2022 — (Короче говоря.
Повести и рассказы современных авторов)

ISBN 978-5-04-171823-7

Герои этой книги живут в мире, который исчисляется не только точными и реальными величинами. В этом мире есть место странному, пугающему и гарничащему с ужасом. Доводя образ до абсурда, Канабеев рассказывает о сегодняшней действительности максимально понятно и точно.

Новый язык для новой реальности. ...вот популярный блогер, который фотографирует мусор на помойках, а в свободное время делает мусор из людей, выбрасывающих слишком мало вещей. ...вот старуха, которая, как в сказке, мечтает убить собственного внука, решив однажды не плодить на земле бедность. ...вот мальчик, у которого вместо лица – один глаз. И этот глаз позволяет немножко заглядывать в будущее, которое не всегда хочется видеть. Проза Канабеева напоминает прозу раннего Виктора Пелевина и – одновременно – Клайва Баркера. От одного он берет строгость и емкость абсурдного стиля, от второго – избыточную образность и фантазию. Для тех, кто любит играть в компьютерные игры, ближайшее сравнение будет с серией игр про «Сайлент Хилл».

УДК 821.161.1-82

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171823-7

© Канабеев Г., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Первый день весны	7
Неделя	9
Понедельник	9
Вторник	11
Среда	13
Четверг	14
Пятница	16
Суббота	18
Воскресенье	20
Шесть окон	22
Первое окно	22
Второе окно	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Герман Канабеев

Искажение

© Канабеев Г., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Первый день весны

В первый день весны погасли все звезды. Даже в Москве, в этом мрачном городе без солнца и неба, где звезд не видно никогда, всем было понятно, что их больше нет. Это чувство похоже на то, когда умирает мать, которую давно не видел. Когда живешь где-нибудь в Сибири уже лет тридцать, а мать умерла в Калининграде. Понимаешь, что ничего в жизни особо не изменилось, но в то же время сама жизнь будто потеряла смысл. И теперь надо дожить ее до конца с комком в горле. Звезды погасли.

Васильев шел по улице и думал, что совсем неплоха эта новая мода держать дома мелких собак. По улицам носились мопсы и таксы, чихуа-хуа и померанские шпицы, ѿрки и джек-рассел-терьеры, китайские хохлатые и левретки, перегрызшие свои ошейники и вырвавшиеся на свободу. Они с остервенением бросались на людей. Прыгали и вгрызались в горло. Васильев видел пару немецких овчарок и одного алабая, но те бегали стороной, не нападали, будто удивляясь тому, что мелкие псинахи творили со своими жертвами. Кошки не отставали от собак и бросались в лица, отгрызали носы и выщипывали глаза. Голуби, воробы и вороны доедали трупы. В первый день весны погасли все звезды.

Люди не сопротивлялись. Казалось бы, много ли нужно сил, чтобы справиться с таксой или кошкой? Но люди покорно позволяли разорвать горло, они улыбались, когда кошки хрустели пальцами рук, а воробы лакомились глазами. Васильев их всех понимал. Что еще осталось людям, лишенным мечты, лишенным чувств из-за того, что погасли все звезды? А голубям, воронам, воробьям, а левреткам, таксам и померанским шпицам? Мечта нужна всем, как и звезды над головой. Люди, и собаки, и птицы просто хотят хоть что-нибудь почувствовать, а там, где нет места мечте, есть место смерти. Смерть – последняя надежда для любого живого существа. Смерть – последнее яркое путешествие, последний страх, последняя улыбка.

Васильев никогда не мечтал. Васильев эту жизнь жил. Не требовал, не жаловался, не надеялся. И погасшие звезды – очередное событие, которому у него нет объяснения. Как не было объяснения всему тому, что происходило в жизни, пока звезды блестели.

Васильев шел по улице к дому медленно, опасаясь, что на голову свалится очередной выброшенный с балкона или из окна ребенок. Родители выкидывали младенцев и тех, что постарше. Кому было больше четырнадцати лет, выбрасывались из окон сами. Кто-то из детей не умирал от падения, и тут в дело вступали померанские шпицы. Васильеву было безразлично, он ничего не чувствовал и понимал, что во всем этом теперь есть смысл. Теперь, когда погасли все звезды.

Васильев зашел в подъезд. На первом этаже на лестничной клетке сосед расчленял свою жену. Жена не плакала, сосед не торопился. Жена улыбалась и смотрела на мужа влюбленными глазами. Васильев подумал, что эти двое, наверно, сейчас в первый раз друг перед другом честны. Удивительно, для честности им потребовалось, чтобы погасли все звезды.

Васильев открыл дверь. Сел тут же на пороге и подумал, как же хорошо, что у него нет жены, которую сейчас, когда погасли все звезды, пришлось бы расчленить, чтобы быть искренним. Как хорошо, что у него нет детей, нет собаки мелкой породы, а уж тем более собаки породы крупной – замечательно, что большие собаки теперь не в моде.

Как прекрасно, что у него нет кошки, и, может, совсем неплохо, что погасли все звезды. Наконец-то случилось что-то значительное. Не какая-то местечковая война, где даже на видео с места боевых действий непонятно, кто против кого воюет. Где можно только и увидеть, как пара не самых новых танков в городской застройке шмаляют по руинам жилых домов, да съемку с беспилотника, больше похожую на очередной уровень в шутере от первого лица. Не какая-нибудь телевизионно-интернетная пандемия, которая если и коснулась Васильева, так

только в магазине, когда ему не продали хлеб и масло за то, что он был без маски. Кому нужна такая пандемия? То ли дело сейчас, когда погасли все звезды в первый день весны.

Погасли все звезды, кроме солнца. Солнце горело даже ярче, чем ему всегда было положено. Васильев вышел на балкон. Васильев смотрел на пылающее солнце.

«Почему оно не тухнет? Может, солнце еще сражается за нас, за людей? Что все мы без звезд? Может быть, все звезды вообще всегда были на одинаковом расстоянии от нас. Сплошной шатер над головой. Ткань жизни, полотно вселенной, и никаких разниц в миллионы и миллиарды световых лет. А может, все звезды сожрали померанские шпицы? Джек-рассел-терьеры? Склевали голуби и воробы? А солнце? А солнце сожрет собака крупной породы, конечно. Какая-нибудь немецкая овчарка или алабай. Сожрет последнюю причину мечтать. Последнюю причину жить. Последний человеческий день. И будет ночь. Настоящая ночь. Некому будет топить атомные кочегарки, чтобы вселять жизнь в уличные фонари. Да и кому теперь нужны эти фонари?» – думал Васильев.

Солнце разгоралось. Пламя звезды не могло сдержать даже густое московское небо. Васильеву казалось, что еще немного, и солнце спалит его живьем. Но последняя на небе звезда тоже сдалась какой-то вселенской причине, неведомой космической задумке и в мгновенье сжалась в точку. Васильев зажмурился, ожидая взрыва, но вместо него просто стало темно. Так темно, как не может быть даже в темноте.

Васильев на ощупь пробрался с балкона на кухню. Открыл холодильник. В холодильнике так же темно, как на небе, так же темно, как на всей земле, как во всей Вселенной, в которой погасли все звезды. Но в холодильнике стояло пиво, лежали заветренные куриные котлетки. «Да что мне эти мечты человеческие», – подумал Васильев и надкусил котлетку, и запил пивом в первый день весны, когда на небе погасли все звезды.

Завтра, решил Васильев, завтра я буду счастлив. Когда померанские шпицы доедят последних людей. Когда я привыкну к этой кромешной темноте. Когда я снова стану будто только что родившийся ребенок. Во второй день весны. Когда уже неважно, что погасли все звезды.

Неделя

Понедельник

Так. Хлеб, молоко, яйца. На это хватит. Вот они лежат на полке. Три-четыре сытых дня. Андреев потянулся за канистрой молока. Полки с молочкой расфокусировались. Андреев так и замер с протянутой рукой.

«Доступно обновление», – появилось предупреждение перед глазами на фоне размытых полок с молоком, маслом и кефиром.

Андреев кивнул и прижался к стойке с чипсами, чтобы не мешать другим покупателям.

На днях обещали большое обновление, и не нужно будет вот так зависать и ждать, когда прогрузится реальность. Обновления будут устанавливаться в фоновом режиме. Обновление наконец загрузилось. Андреев снова потянулся за молоком.

«Действие недоступно в бесплатной версии реальности. Пополните счет», – выскоцило предупреждение.

«Да пошло оно все, вашу мать!» – заорал на весь магазин Андреев.

«Нам важно ваше мнение. Помогите нам стать лучше. Оставьте свой отзыв», – загорелось перед глазами красным. Андреев выскоцил на улицу.

Сегодня утром, перед тем как зайти в магазин, Андреев наслаждался редким для Москвы солнцем. Теперь небо было словно завернуто в полиэтилен. «Где это долбаное солнце?» – подумал Андреев.

«Солнце недоступно в бесплатной версии реальности, – прочитал он уведомление на фоне серого неба и вдогонку: – Сеть магазинов «Тингам» приглашает вас на пятничную распродажу, для вас будут доступны: суповой набор, маргарин, сухари ржаные, водка, вода, независимо от уровня вашей подписки».

– Какой сегодня день? – спросил Андреев у мужика, прижавшегося спиной к фонарному столбу в ожидании загрузки обновления.

– Понедельник, – ответил тот.

Андреев поднялся на свой этаж.

«Дверь не может быть открыта автоматически в бесплатной версии реальности», – мелькнуло перед глазами.

Андреев достал ключ из кармана куртки и открыл дверь.

«Девочка моя», – хотел сказать Андреев, но сквозь голосовое уведомление «Уменьшаительно-ласкательные недоступны» прорвалось только: «Жена!»

Конечно, Андреев и без визуализации помнил, где и что в квартире, и без проблем прошел из прихожей в комнату. Он знал, что жена лежит на кровати, он знал, где стоит кровать, и, несмотря на то что перед глазами было сплошное размытое пятно расфокусированной реальности, он понимал и чувствовал, что она здесь, лежит на кровати такая красивая и недоступная в бесплатной версии реальности.

– Я говорила тебе, что больше не буду с этим мириться? – голос жены был спокоен, и спокойствие пугало. Обычно она всегда выражала недовольство бурно, если не сказать больше.

– Обещаю, я подпишусь на премиум аккаунт. Я обещаю, – сказал Андреев.

– А пока поживем так, да? Как ты это себе представляешь?

– Прости, я подпишусь.

«Звук отключен. Подпишитесь на премиум аккаунт».

Андреев подошел к кровати и попытался прикоснуться к жене.

«Действие недоступно. Подпишитесь на премиум аккаунт».

Ни слуха, ни зрения. Размытое пятно перед глазами и бесконечное мелькание уведомлений. Андреев знал, что еще минута, и даже эта тишина из-за отключенных системой звуков скоро взорвется рекламными сообщениями. Еще минута, еще минута. Затем максимум пол-часа, и приедет полиция. А он уже и сказать ничего ей не может. Не сможет объяснить, почему не продлевает платный аккаунт.

«Ваш аккаунт заблокирован. Ожидайте службу поддержки», – высветилось перед глазами.

Через несколько минут дверь в квартиру открылась, и в тот же момент «Система» отключила Андрееву зрение. В кромешной тьме он услышал:

«Андреев Максим Анатольевич, бесплатный период пользования окончен, вы будете депортированы за пределы системы».

Первое, что почувствовал Андреев, открыв глаза, – холод. Здесь, за пределами системы, рекламные сообщения еще подгружались, но скорости не хватало, и он слышал только обрывки: «Лучшее предложение... успейте подписаться...»

Андреев уже начал замерзать.

«Вы нарушаете лицензионное сообщение и авторские права, ощущая холод», – прочитал Андреев перед глазами, но холод при этом никуда не исчез. Андреев посмотрел на небо. Небо было синим, высоким и безразличным.

«У вас нет прав на осознание неба».

Андреев знал, что жить ему осталось не больше часа. Сколько ему там уже по факту лет? Официально тридцать, но когда он в последний раз запрашивал данные по факту, было двести сорок. Вне системы организм возьмет свое так быстро, что Андреев и понять не успеет, что это такое – настоящее небо и настоящий холод. Андреев лег на снег. Спину обожгло. Зимнее солнце падало к горизонту.

«Оранжево-красный цвет доступен после принятия лицензионного соглашения», – прочитал он уведомление. Но солнце оставалось оранжево-красным на закате. Будто и нет системы, будто и нет никаких уведомлений. Второе солнце в зените пылало и грело, но Андреев не мог смотреть на него и не мог согреться под его лучами, потому что тем самым нарушил бы авторские права. Солнце в зените было доступно только по подписке.

Андреев закрыл глаза.

«Вы нарушаете авторские права на темноту, подпишитесь на премиум аккаунт».

Темнота оставалась темнотой. С этой темнотой «Система» справиться не могла. Темнота была ощутимой, словно это не отсутствие света, а что-то живое, теплое и пушистое.

«Смерть недоступна в бесплатной версии реальности. Оплатите премиум аккаунт».

Андреев улыбнулся, прочитав это уведомление. Он знал, что смерть предусмотрена всегда, независимо от оплаты аккаунта, независимо ни от чего.

Тишина. Ни одного уведомления. Ни одного рекламного сообщения. Тишина. Пустота. Смерть.

«Спасибо, что были с нами. Мы дарим вам премиум подписку на пять лет. Благодарим за пользование системой. Вы подключены к звукам... вам доступны уменьшительно-ласкательные... доступна визуализация...»

«Да в рот вас всех», – подумал Андреев.

Вторник

После подписки на премиум аккаунт Андрееву пришлось подождать еще десять минут, пока закончатся все рекламные ролики. В полученном вместе с премиум аккаунтом пакете обновлений убрали возможность пропускать рекламу через десять секунд просмотра. Андреев пытался отвлечься на какую-нибудь мысль, чтобы не обращать внимания на рекламу. Перед глазами выскочило уведомление: «Мыслительный процесс недоступен для вашего тарифного плана. Если хотите переключиться на тариф “Мыслебезлимит”, подумайте “А”».

«А», – попытался подумать Андреев.

«В вашем тарифном плане не предусмотрена функция – думать. Для переключения на тариф “Мыслебезлимит” подумайте “А”», – прочитал уведомление Андреев. Сбоила не «Система», явно что-то случилось с модулем. Андреев постучал кулаком по лбу.

«Новый год с доставкой! Только подумайте! Только подумайте, и праздник будет доставлен в ваш дом немедленно».

«Подумайте», – попытался подумать Андреев, но мысль оборвалась, и он оказался в промежутках между мыслями.

Такого состояния Андреев не ощущал никогда. Он слышал, что такое было возможно еще лет пятьдесят назад, когда модули не делали настолько совершенными. В то время даже не существовало запрета на отсутствие мыслей, а думать можно было без просмотра рекламы. Как только Андреев очутился в промежутках между мыслями, тут же завопила сирена, зрение отключилось, и вместо пустоты не-мышления Андреев осознал предупреждение: «Вы нарушаете 8132-ю статью уголовного кодекса Российской Конфедерации, запрещающую осознанность. Если причина вашей осознанности в неисправном оборудовании, обратитесь в ближайший многофункциональный центр».

Андреев тряхнул головой. Зрение вернулось. Сирена смолкла. «Ваш модуль неисправен? Вы попадаете в промежутки между мыслями? Получите новый модуль «Спутник XXIV» и забудьте о такой проблеме, как осознанность», – прочитал уведомление Андреев.

В многофункциональный центр – МФЦ – очередь растянулась на несколько сотен метров. Андреев встал в самый ее конец, и в этот момент перед глазами зарябило, и модуль в голове, видимо, окончательно вышел из строя. Ни думать, ни вникать, ни быть Андреев не мог. Он снова попал в промежуток между мыслями, но был спокоен. Здесь, возле МФЦ, его не могли привлечь за подобное преступление, Андреев не делал это специально, что считывала контрольная система МФЦ.

Андреев чувствовал себя пустым, ненужным. В промежутках между мыслями не было никакого Андреева. Была зима. Мерз кончик носа, и от мороза пощипывало пальцы ног и рук. В этих ощущениях не было ни смысла, ни цели. Непонятно, что с ними делать и зачем они. К чему эти не самые приятные ощущения тела, если за ними не следует предложение прекратить их?

Мужик, за которым в очереди пристроился Андреев, оказался беспокойным. Он то и дело оборачивался и смотрел в глаза Андрееву так, будто хотел увидеть, о чем он думал. Андреев же, может, и хотел бы подумать о том, чего этот мужик хочет, но тогда бы он не мучился сейчас в этой очереди.

Наконец поняв, что Андреев не может ничего подумать, мужик спросил:

– Сломался?

– Ых нах, – вырвалось у Андреева, хотя он не это имел в виду.

– Ясно, – ответил мужик. – Давай я тебе со своего модуля мысль раздам.

– Еух, – ответил Андреев.

Соединение от мужика было агрессивным. Даже сломанный модуль Андреева ожил, почувствовав настолько мощный сигнал.

– Теперь слышишь? – спросил мужик.

– Слышу, – ответил Андреев. – Как это у тебя так получается?

– Тариф такой – «Святейший», не слышал? Хотя да, откуда ты услышишь, он корпоративный. В нем даже рекламы почти нет, так, только специальные предложения. Хочешь такой?

– Хочу, – ответил Андреев. – Я мыслить буду?

– Будешь. Только ответь, тебе важно именно мыслить или о чем-то мыслить?

– Мыслить, – не задумываясь, ответил Андреев.

– Ладно, когда очередь дойдет, скажи, что у тебя есть промокод, понял?

– Понял, а какой промокод?

– Ежи еси на. Запомнил?

– Запомнил, – ответил Андреев и тут же снова попал в промежутки между мыслями. Мужик отключил раздачу со своего модуля.

«Ежи еси на», – сказал Андреев оператору, когд подошла его очередь. Выскочившее перед глазами уведомление о воскресной распродаже суповых тарелок тут же исчезло. Оператор посмотрел на Андреева с опаской и сказал: «Вы подключены».

Андреев вышел из МФЦ. Ни одного рекламного сообщения перед глазами, и нет этого невыносимого состояния между мыслями. Единственное, из-за чего Андреев чувствовал себя некомфортно, – непреодолимое желание поделиться своим новым состоянием хоть с кем-нибудь. Когда Андреев уже начал нервничать из-за того, что с ним ничего не происходит, звуковое уведомление «Вы отключены от тарифных планов. Примите лицензионное соглашение на пользование стопроцентной верой» вернуло его в нормальное состояние.

«Я согласен», – подумал Андреев.

«Здравствуй, сын мой, неси слово мое, да пребуду с тобой я», – всплыло сообщение перед глазами.

«Ежи еси на», – подумал Андреев и постучал себя по лбу.

Среда

«Я же куда-то шел. Была какая-то простая причина. Идти. Я зачем-то вышел в понедельник из дома. Дом. В доме была, да и есть жена. Интересно, кто эта женщина? До проклятого МФЦ об этом думать было не нужно. Ее мне предложил алгоритм после трех тысяч скипов возможных кандидатов. И так же ей меня. Что это, если не судьба? Какова вообще вероятность, что «Система» с такой точностью предложит мне человека, которого нужно любить? Были учтены все предпочтения. Я люблю именно таких женщин. Почему я таких люблю? Потому что это правильно. Кто сейчас, будучи разумным человеком, станет полагаться на выкрутасы мозга, а уж тем более на безошибочность чувств? Потом такую жену, выбранную бессистемно, хранить в чулане и любить втайне? Первый же ужин с друзьями, привычная для таких посиделок игра в «Сканы», и что? Профиль Андреева в предложенной ему версии реальности тут же станет предметом насмешек. Это если никто не пожалуется куда следует и Андреева вообще не упекут в безынформационность на пару лет. Он слышал, что случается с людьми, получившими такое наказание. Представить страшно, да как это вообще возможно – провести пять лет в безынформационной реальности? И как, простите, любить женщину, не предложенную системой? Зачем мириться, например, с тем, что у нее ноги короче, чем нравится Андрееву? Или грудь у нее больше, чем ему надо, только потому, что так распорядились какие-то там чувства, когда можно получить все, сразу и в идеальных пропорциях? Почему не быть счастливым просто так? Довериться системе и быть счастливым. Куда я вообще пошел в этот понедельник? Какая была причина?» – об этом думал Андреев последние десять минут, стоя на балконе.

Андреев пытался растопить дыханием морозный рисунок на стекле, пытался испортить эту красоту за то, что так долго ее не видел. Он восхищался собой и ненавидел себя. Восхищался тем, что способен не любить красоту, а ненавидел за то, что красота делает его рабом жизни. Потому что жизнь – тоже «Система» со своими правилами и уровнями доступа. Только в системе ты имеешь право выбора даже на базовом аккаунте, а в жизни никаких правил нет. И если ты оплатил свое будущее, то уж точно ничего себе не гарантировал.

Андреев испортил дыханием и теплотой рук весь рисунок зимы на стекле. Идеальный фрактал превратился в мазню. Похоже было на те картины, когда люди еще не научились рисовать мыслью, доверяя ее поток системе, а делали это руками.

«Среда», – подумал Андреев и кинул мысль-вопрос вдогонку: «И как дожить эту неделю?»

Андреев подумал о визуальном меню. Перед глазами появился стандартный перечень действий: транслировать, отложить, передумать, думать, действовать. Андреев выбрал – «транслировать». Понедельник и вторник со всеми деталями подгрузились в систему. Андреев подумал о мысленных уведомлениях в сон. «Микшировать со сновидениями?» – спросила заботливая «Система». «Микшировать», – выбрал Андреев.

Ему хотелось увидеть, что сделает «Система», опираясь на понедельник и вторник, как она сведет все эти потоки в одну картинку.

Андреев лег в кровать, с минуту полежал на спине, резко задрал ноги и тут же опустил, чтобы поймать край одеяла. Андреева толкнула Андреева в бок. Андреев повернулся, согнул ноги в коленях. Андреева обняла его со спины. Андреев и Андреева лежали, как патрон в патроннике, как первые сопоставленные пазлы из тысячи разбросанных, как совпавшая пара в системе после миллионов скипов. «Нам завтра предлагают пойти в музей», – промурлыкала Андреева. «Хорошо, давай пойдем», – ответил Андреев, и в этот момент ему стало страшно от мысли, что «Система» предложила пойти в музей Андреевой и ничего не предложила ему.

– Ежи еси на, – прошептал Андреев.

– Ежи еси на, – ответил кто-то невидимый в его голове.

Четверг

Перед тем как заснуть, Андреев попытался вызвать привычное меню выбора снов. Он уже приоровился выбирать так, чтобы как можно меньше рекламы. Реклама во снах – функция свежая, алгоритмы еще сырье и, если правильно выбрать сон, можно получить его с тремя, максимум с четырьмя рекламными паузами. Меню предложило пять стандартных пунктов: еда, секс, война, популярность, богатство. Но было кое-что еще, сноской, где обычно мелким шрифтом прописываются условия использования, красовалась еле заметная ссылка – «спать как есть». «А этот тариф, наверно, не так уж и плох», – подумал Андреев, используя ссылку, и провалился в самый глубокий сон в его жизни.

Утром Андреев понял, что не помнит, снилось ли ему вообще что-то или нет, и от этой мысли сердце замерло на мгновенье и тут же пустилось вскачь. Статью № 9999 Российской Конфедерации еще никто не отменял, и безнаказанно выспав целую ночь без снов, можно запросто загреметь в «безынформационность» лет на пять. Но «Система» молчала. Рядом сопела Андреева.

Андреев запросил сновиденческое меню Андреевой. «Ведите код доступа», – заботливо высветила «Система» предупреждение. «Муж», – подумал Андреев. «Статус», – спросила «Система». «Любящий», – подумал Андреев. Перед глазами понеслись картинки. Так «Система» анализировала, правдив ли ответ Андреева. Она шерстила память Андреева и Андреевой. Вот они в первом отпуске после того, как «Система» подобрала их друг для друга. Они счастливы. Бирюзовое море, белый песок. Вот вечер. На столе морепродукты. Андреева улыбается, улыбается Андреев. «Система» ставит галочку. Вот Андреевы в спальне. «Система» переходит в режим прослушивания. Стонет Андреева, стонет Андреев. «Система» ставит галочку. Мельтешат картинки, галочки проставляются одна за другой. «Система» пускает Андреева в меню выбора снов Андреевой с пометкой: «Ваш ответ честен на 95 %». Андреев серьезно удивился. На стандартном тарифе «Система» показывала 100 %, что не могло не вызвать улыбку. Эта разница в пять процентов успокаивала Андреева. Эти пять процентов оставляли шанс на то, что «Система» не может до конца разобраться в хитросплетениях человеческих чувств. Но вот эти 95 % процентов?

А она ничего себе на сон не пожелала, уснула просто так, и теперь каждые пять секунд ее мозг атакует реклама, никак не связанная с предпочтениями. «Может, устала? – подумал Андреев. – Сколько раз я вот так засыпал, устав выбирать?» На этой мысли он вспомнил свой первый сон. Этот сон всегда врывается в память, когда что-то скоблит изнутри сомнениями и недовольствами. В том сне нет картинок. Там чернота и голос. Конечно, Андреев всегда был согласен с этим голосом. Цифрократия действительно покончила с большинством проблем, да что там, покончила с главнейшей из проблем – смертью – в привычном ее понимании. И казалось бы – просто выбирай в предложенном меню. Выбирай, выбирай, выбирай все, что хочешь. Благодаря твоему сегодняшнему выбору «Система» станет умней, и дети, наши дети будут жить в еще более совершенном мире. Выбирай! Ты не имеешь права не выбирать! Ты хочешь быть приравненным к террористам? Ты из тех мракобесов, что могут жить без выбора? Что ж, «выбери» тогда жить без выбора.

Андреев отключился от меню Андреевой. «Ежи еси на», – высветилось перед глазами на фоне потолка. «Что?» – спросил Андреев. «Создайте идею на день». Такое Андреев не получал никогда и оттого почувствовал себя неуютно. Что бы он о «Системе» ни думал, но она никогда не подкидывала задач, которые нужно по-настоящему решать. Всегда нужно было действовать в пределах предложенного выбора, но чтобы вот так в лоб – придумайте идею на день? «Режим считывания идеи запущен», – Андреев на периферии зрения отметил включившийся на двадцать четыре часа с убыванием таймер.

Это странное ощущение – когда ты вроде бы такой взрослый и что-то знаешь, а опыта нет. Какая может быть идея без опыта? И речь не о том, что нет определенных знаний или какого-то особого уникального опыта – нет вообще никакого опыта вне рамок выбора. Ну нет у Андреева опыта работы кочегаром, нет глубоких знаний в микробиологии, что тут удивительного, но когда жизнь делает загогулину и понимаешь, что нет опыта прожить текущий день, нет заготовки в голове, чтобы адекватно реагировать на поступающие из «Системы» новости, от которых нельзя отключиться, чувствуешь себя беспомощным. Так, наверно, чувствует себя ребенок, в первый раз сунувший руку в огонь. Оказывается, эта красивая оранжевая штука может причинить невыносимую боль. Было время, когда, выходя из дома, было страшно захлопнуть дверь, забыв ключи. Потом было страшно забыть дома мобильный телефон. Затем – страшно забыть дома маску. Потом – не отсканировать план маршрута в домофоне. Еще немного, и стало сложнее – попробуй быть спокоен, если вышел из дома и не активировал коптер-дрона. Годы несутся, и в каждом новом году человек стоит растерянный посреди жизни и не знает, что именно сегодня он забыл сделать. Теперь Андрееву, например, нужно авторизовать идею на день. Андреева ругалась, что он не приспособлен к жизни совершенно. У всех есть цель – вообще всю жизнь прожить без проблем. Андреев не мог без проблем пройти стандартную идеализацию с утра, несмотря на то что это так же легко, как заказать удаленную чистку зубов. А сегодня ему нужно придумать идею.

– В чем сложность? – спрашивала, бывало, Андреева. – Почему любая твоя цель на день всегда заканчивается тем, что тебя блокируют, и я на протяжении нескольких дней вижу мужа тупо лежащим на диване, отключенным от системы?

– У меня нет цели не только на будущий день, у меня вообще нет цели, – отвечал Андреев Андреевой.

Конечно, Андреев лукавил в том, что у него совсем нет цели. Иначе у него и Андреевой бы не было. Каждый день он активировал бесплатную для любой версии реальности цель – прожить день.

Но как от любой бесплатной функции, от нее было мало толку. Какой нормальный человек станет пользоваться всю жизнь бесплатной целью на день, когда в системе столько прекрасного за 9,99 цифрайна в месяц?

Андреев стоял у подъезда и думал об идее на день, который уже два часа как начался. С бесплатной целью было куда проще. Андреев даже не совсем понимал, чем отличается цель от идеи. Андреев поклонился домофону, коснувшись лбом дисплея. «Квартира номер семнадцать, выход в город разрешен», – сообщил приятным голосом домофон. Андреев еще раз поклонился домофону, надеясь, что его спросят об идее. Домофон молчал. Молчала «Система». Молчал мир.

Мир был возле Андреева, но не проникал в него и Андреева не пускал в себя.

«Кто я?» – подумал Андреев.

«Неверный запрос», – выскоцило уведомление перед глазами.

Пятница

Андреев шел к МФЦ. «Система» молчала, из-за этого Андрееву пришлось просто слушать, как под ногами скрипит снег. Он был уверен, что возле МФЦ найдет того мужика, который дал промокод на этот новый тариф, и тот сможет объяснить, как Андрееву жить с тем, что для жизни теперь нужна идея. На самом деле Андреев боялся не того, что ему нужна идея, а вот этого странного обстоятельства – «Система» не угрожала, отчего становилось не по себе. Не было уведомлений, дескать, не будет идеи – отключат, поместят в безынформационность. Андреев так не привык. Ему нужно было знать точно, за что его можно привлечь, а где у него есть место для маневра. В безнаказанность даже на этом тарифе он не верил. Все часть системы и ничего не может быть вне ее. А незнание алгоритмов не освобождает от результата их компиляции.

К МФЦ, как всегда, стояла километровая очередь. В очереди – шум, гам и мат. Вот бабуля бьется головой о фонарный столб, пытаясь оживить модуль, чтобы оплатить счета по квартире. Другая бабуля гладит ее по спине и успокаивает: «Да в первый раз, что ли, дорогая, ну не выселяят. Куда тебя выселять? Ты же всю пенсию за счета и подключение отдаешь. Да на нас все и держится!» Вот мамаша тянет за руку сына-подростка к двери МФЦ и заставляет поклониться домофону, чтобы опоздала поставили на учет. «Ты в армию хочешь? – спрашивает мамаша. – Собираешься год потратить, а на что? Скажи мне? Целый год сидеть в четырех стенах и визуализировать бомбометание с беспилотников? Я тебя для того растила?»

Андреев пристроился в конец очереди и простоял до обеда, так и не двинувшись ни на метр. Здесь, в конце очереди, он слышал, как кто-то возмущался: «Вот только у нас такое, как сто лет назад. В нормальных странах все дистанционно или с доставкой. Но Россия-матушка как всегда! В Европе уже от тел освобождают, у нас все ножками куда-то идти надо. Как вот так, а?» «А в Америке? – вторил кто-то. – Там не только от тел освободили, там можно снова в тела воплощаться. Они там и туда, и сюда, а у нас очередь, чтобы модуль поменять». «Да везде Цифрократия как Цифрократия, у нас же мудократия, по-другому не скажешь», – добавлял кто-то невидимый, но, судя по одобрительному гулу в очереди, выражавший мнение большинства.

Когда гул в очереди достиг совсем уж неприличного уровня, над толпой завис полицейский дрон. Стало тихо. «Смотреть в небо», – высветилось у всех перед глазами. Дрон сканировал эмоции и рассчитывал проценты лояльности. Кому повезло, у тех перед глазами появилось: «Ваша лояльность системе больше пятидесяти процентов, поздравляем, можете продолжать стоять в очереди». Кому не повезло... Андреев не знал, какое сообщение получают они, но видел, как некоторые послушно выстроились в цепочку и поплелись вслед за дроном. «Утилизация», – словно ветер по кронам деревьев, пронеслось по очереди. Дрон замер на мгновение. Все посмотрели в небо, постояли так пару секунд. Еще несколько человек вышли из очереди и пристроились за дроном. Остальные уставились под ноги. И Андреев уставился. Он знал, что у всех, кто остался в очереди, сейчас открыт бесплатный доступ к новому сериалу от «Нетмикс» и параллельно идет раздача кодов для доступа к пятничной распродаже. Только вот Андрееву ни игры, ни кодов не предложили. У него так и висело перед глазами: «Активируйте идею».

Люди в очереди прогрузились. Получили свой сериал и коды. Теперь стояли счастливые. Очередь потихоньку потекла. Над некоторыми стали зависать личные дроны с доставкой. Кто-то перекусывал бургерами, увлекшись сериалом, вот женщина радостно схватила пакет с обновками и уже примеряет туфли на февральском морозе. Коптер-дронов становилось все больше, и очередь понемногу стала рассасываться.

Единственный день в неделе, когда «Система» разрешает закончить цель на день к обеду, – пятница. Андреев понял, что смысла торчать в очереди нет. Он видел, как на крышу

МФЦ садятся коптер-дроны с доставкой. Пятница – ничего больше не может быть, кроме бесконечных доставок, промоакций, скидок, доступа к сериалам за один цифрайн. Мир умер. Мир радостно поглощает предложенные системой ценности, и даже реклама не тревожит людей, пока они жуют, пока примеряют, пока смотрят. За это им выдадут лишний сезон сериала, лишний бесплатный бургер с доставкой и еще одни туфельки, еще одно платьишко. Все будет хорошо в эту пятницу, как и должно быть в пятницу. И в этом есть что-то прекрасное: мягкое жужжание коптер-дронов, февральский снег, подкрашенный системой в те цвета, что предпочитает пользователь, – вкусно, тепло, уютно.

Только вот Андрееву уютно не было. «Система» не подкрашивала, не задавала чувств, не прислала ему коптер-дрона. Он стоял и смотрел, как те, что еще несколько минут назад стояли в этой очереди и казались людьми, теперь валялись на снегу, жрали еду, размазывая соус по лицу, смеялись, смотря у себя в голове новый сезон одного на всех сериала.

Андреева затошнило. Он присел на корточки и в этот момент почувствовал, как на плечо опустилась чья-то рука. Андреев встал. Перед ним стоял высокий худой мужчина. «Ну как тебе?» – спросил он.

– Я Васильев, – представился мужик.

Васильев осенил себя крестом, и его коптер-дрон послушно сел на плечо хозяина.

– Андреев... – начал Андреев.

– Знаю, – отмахнулся Васильев.

Васильев слегка коснулся пальцем лба Андреева, и тот рухнул на землю без сознания.

Суббота

Андреев пришел в себя. Перед глазами выскоцило знакомое уведомление: «Активируйте идею». Андреев огляделся. Квартира, где он очнулся, была в плачевном состоянии. С трудом верилось, что здесь может жить человек: ни одного монитора, пол без зарядки, потолок без визуализации, вместо панели выбора вида – обычное окно. Андреев и подумать не мог, что где-то могут быть просто окна с жалкой и унылой действительностью за ними – убогое, не приспособленное для жизни жилье. Конечно, отсутствовала антигравитационная колонка, и кто-то положил Андреева, пока он был без сознания, на обычную кровать и даже заботливо укрыл одеялом.

Андреев запросил местоположение. «Система» молчала. Так быть не должно, и единственное, что успокаивало теперь Андреева, – уже привычное уведомление: «Активируйте идею». Значит, он еще в «Системе». Андрееву хотелось закричать: «Я активирую, твою мать, активирую, но можно мне хоть какое-нибудь меню выбора этой долбаной идеи?» Почему-то сейчас ему было безумно страшно оказаться вне «Системы». Всегда было страшно, но сейчас, когда Андреев не знает, где он и почему, – особенно. «Система» больше не оберегает, не подсказывает, и даже порядком надоевшие рекламные сообщения, сны, наполненные специальными предложениями и акциями, эдакие ограничители свободы версии реальности, Андрееву кажутся в этой ситуации родными, уютными, теплыми. Может, не так уж это и плохо – жить и не думать? С простой целью на день – прожить его до конца?

– Очнулся?

Андреев вздрогнул от неожиданности и вскочил с дивана. Васильев стоял с чашкой в руке.

– Дерганый ты какой-то, – сказал Васильев и протянул чашку Андрееву. Тот не без опаски взял ее и понюхал. Он ожидал, что «Система» предложит «Выберите желаемый напиток», но вместо этого почувствовал приятный запах кофе. Он замер в ожидании: «Запах кофе недоступен в этом тарифе», но никаких уведомлений перед глазами не появилось. Андреев сделал глоток. Кофе слегка обжег язык. Андреев и не помнил, обжигался он хоть раз за всю жизнь. Заботливая «Система» не могла допустить такой оплошности, обязательно предупредит, позаботится.

Васильев смотрел на Андреева с интересом, как наблюдают за только что освобожденным из клетки и выпущенным на природу зверем.

– Где я? – спросил Андреев.

– Может, тебе интереснее, почему ты здесь?

– И это тоже.

– Ты у меня дома. А здесь потому, что ты первый, кого я встретил с таким же тарифным планом, как у меня, – «Святейший». Точнее, не встретил, а нашел.

– Как ты отключил меня?

Васильев пошарил в кармане и протянул на ладони пуль-шокер, какими обычно стреляют полицейские дроны, когда нужно отключить человека.

– Я ничего не почувствовал, – удивился Андреев.

– Так она и работает.

– Зачем я здесь?

– Я не знаю, кто тот человек, что дал мне промокод для подключения этого тарифа, и ты, думаю, не знаешь, но мне кажется, он один из администраторов «Системы». Не думал, зачем ему это было надо? – Васильев не стал дожидаться, когда Андреев ответит, и продолжил: – Это проверка на уязвимость. Идея – вот что лежит в основе всего, даже в основе самой «Системы». Любая новая идея «Систему» разрушает, и потребуется время, пока та восстановится, включит

эту новую идею в себя. Вот тебе и проверка – может ли человек сотворить новую идею, еще не являющуюся частью «Системы».

– А почему «Святейший»? – Андрееву удалось вклиниваться в монолог Васильева.

– А разве идея бога – не первое, что должно было прийти в голову? Наша заботливая «Система» даже тут не может не предложить вариант выбора.

– Так что ты от меня-то хочешь? – Андреев допил кофе и протянул пустую чашку Васильеву.

– Ты единственный, кто может помочь мне. Я хочу достать из головы модуль. Сам я не смогу, а любому другому, кроме тебя, «Система» не позволит.

– Как достать – это же смерть? Настоящая!

– А в этом моя идея, друг, в этом моя идея. Смерть – это свобода. Свобода – это идея, вот я ее и активирую. Достать из головы модуль, только так можно умереть по-настоящему.

Васильев вышел из комнаты и вернулся с дрелью. Андреев и подумать не мог, что подобное устройство еще можно где-то найти – никак не подключенное к системе. Васильев протянул дрель Андрееву и показал на висок, где у него уже была поставлена метка.

– Просверли и достань, – сказал Васильев.

– Как я достану?

– Сейчас. – Васильев снова вышел из комнаты и вернулся с небольшим пинцетом. – Вот.

– А если просверлить и сам модуль?

– Странный ты, будто не знаешь, что «Система» тут же восстановит и модуль, и череп.

Нужно достать.

Васильев лег на пол у ног Андреева, повернулся на бок и ткнул пальцем в висок.

«Может, он и прав», – думал Андреев. Он помнил, как в понедельник почти умер. Он помнил это волшебное чувство освобождения, даже не чувство, а предчувствие. Помнил злость от бессилия, когда «Система» не дала ему умереть. «Я помогу ему», – решил Андреев.

– На какую глубину сверлить? – спросил Андреев.

– Там на сверле метка.

Андреев приставил сверло к виску Васильева. «Активируйте идею», – прочитал он. Дрель звяжигнула. Васильев закрыл глаза. На губах его застыла улыбка.

Воскресенье

Андреев шел по городу, не сознавая, где именно находится. Похоже на окраину – спальный район. Над жилыми многоэтажками, над каждым домом кружил дрон-транслятор. Люди, что живут здесь, возвращаясь домой с работы, тут же погружались в сон: дроны-трансляторы следили, чтобы никто не бодрствовал, оттого эти районы и стали звать спальными.

Андреев слышал, что здесь «Система» выдает самые лучшие сны. Рабочие должны просыпаться отдохнувшими и счастливыми. Кто-то рассказывал, что им даже рекламу транслируют только в начале сновидения и в конце.

У первого встретившегося прохожего Андреев спросил, где находится ближайший многофункциональный центр. Мужчина в страхе шарахнулся от Андреева. Андреев понимал, почему тот так испугался – нет в мире людей, не знающих, куда им идти, и уж тем более ни у кого нет необходимости вот так запросто обращаться к незнакомому человеку. Все подскажет «Система».

Перед глазами, как всегда, висело уведомление «Активируйте идею», но Андреев уже не обращал на него внимания. Он думал об улыбке Васильева. Тот не корчился от боли, когда Андреев просверлил ему череп, не произнес ни звука, когда он пинцетом вытаскивал из его черепа модуль. Васильев молчал и улыбался. Он так и умер с улыбкой на губах. «Он был счастлив, – думал Андреев. – Какая простая идея, такая же простая, как идея бога и веры, предложенная «Системой», – свобода и счастье. Счастье оттого, что свободен. Потому Васильев так хотел умереть, только через смерть можно обрести свободу, а значит – быть счастливым». «Идея активирована!» – появилось перед глазами. И тут же: «Идет компиляция. До завершения осталось шестьдесят минут». Уведомление исчезло. Слева на периферии зрения появился таймер обратного отсчета. Андреев не знал, что будет после завершения компиляции. Он удивлялся обретенной пусть только на час легкости сознания, будто всю жизнь его кто-то крепко держал за горло, а теперь отпустил.

«До завершения компиляции осталось тридцать минут», – появилось рядом с таймером, когда Андреев вышел за пределы спального района. Он шел к дому. Шел быстро, расталкивая прохожих, которых в этой части города было куда больше. Они не видели его. Сейчас, когда «Система» молчит в голове Андреева, он невидимка для остальных. «Да и видят ли они хоть что-то кроме предложенного «Системой». В какой вообще из версий реальности все эти люди?» – думал Андреев.

«До завершения компиляции осталось двадцать минут».

Андреев стоял возле своего подъезда, не решаясь войти. Еще минуту назад он хотел увидеть Андрееву. Теперь, понимая, что для жены он тоже невидимка, Андреев не знал, почему хотел увидеть эту женщину. «Система» не напоминала о том, что она была выбрана для него как идеальный партнер для жизни. «Система» не замещала искреннее чувство визуальными подборками, подстегивая желания и эмоции. «Система» не корректировала поведение Андреева и Андреевой, как раньше, когда они были рядом. «Система» не впрыскивала в мозг необходимую дозу серотонина для пребывания в иллюзии счастья. Любил ли теперь Андреев Андрееву просто так, как должен любить человек человека? «Конечно, нет, – думал Андреев. – Да и она не может меня любить. В этом мире никто никого не любит на самом деле. Все и каждый: выбран, предложен, отстроен, напичкан».

«До завершения компиляции осталось пять минут».

«Кто она? Кто я? Кто мы? – неслось в голове у Андреева. – Что ж! Моя идея – свобода и счастье. Даже «Система» это приняла. Я тоже хочу улыбнуться хоть раз по-настоящему. Сам и оттого, что мне хорошо просто так, потому что я просто так счастлив. Как же я понимаю теперь тебя, Васильев!» Андреев сорвался с места и побежал в сторону ближайшего МФЦ так, как не

бегал никогда. На самом деле он и не помнил, чтобы вообще когда-либо бегал. Ветер свистел в ушах. Глаза слезились. Легкие не справлялись. Андреев задыхался, но не останавливался.

«До завершения компиляции осталась одна минута».

«Смерть – свобода – счастье. Я найду здесь того, кто выскрепит из моей головы модуль, и буду улыбаться, найду такого, как я, как Васильев», – Андреев не стал пристраиваться в конец очереди, где каждый надеялся на свое системное счастье, он стоял в стороне, крутил в руке пуль-шокер, захваченную из квартиры Васильева, и высматривал того, кто в своем поведении походил бы на него самого еще пару дней назад.

«Компиляция завершена».

Андреев зажмурился, ожидая чего-то ужасного, но увидел только, что таймер обратного отсчета обновился, и рядом с ним появилось: «Идет поиск обновлений – поиск может занять от десяти до двадцати минут».

Наконец, он увидел девушку. В отличие от остальных, она смотрела в небо, хотя никаких дронов сейчас над очертюю не кружило. Андреев подошел и приложил пуль-шокер ей ко лбу. Она упала без сознания к ногам Андреева, со всего маха ударившись затылком об асфальт. Светлые волосы тут же окрасились кровью. Андреев наклонился послушать дыхание, девушка была мертва. Он аккуратно перевернул ее на живот и увидел, как восстанавливается проломленный череп. Модуль перешел в медицинский режим и вовсю трудился. Уже через минуту над ней завис личный коптер-дрон, и через мгновение она как ни в чем не бывало вскочила на ноги. Дрон сбросил ей в руки брендированный пакет сети магазинов «Тингам». Девушка радостно стала рыться в нем. Андреев пару минут наблюдал, еще на что-то надеясь, но когда девушка стала снимать с себя одежду, чтобы примерить подаренное платье, плонул под ноги и побежал в сторону того спального района, где находилась квартира Васильева. Андреев помнил, что бесполезно пытаться вытащить модуль самостоятельно, «Система» не позволит, но оставалась надежда, что сейчас, пока ищутся обновления, у него все-таки есть шанс.

Труп Васильева так и лежал на полу, как его оставил Андреев. Рядом – дрель с окровавленным сверлом. Андреев лег, повернулся на бок и приставил сверло к виску. Он посмотрел на окаменевшую улыбку Васильева и улыбнулся сам. Взвизгнула дрель.

«Найдено одно обновление. Опасно для здоровья! Внимание! Модуль переведен в защитный режим!»

«Я успею стать счастливым», – последнее, что успел подумать Андреев.

«Запущено восстановление. Медицинский режим активен. Восстановление закончено. Обновления установлены».

Андреев открыл глаза: «Воскресная распродажа в сети магазинов «Тингам»! Успейте купить продуктовый набор со скидкой тридцать процентов! Обновите подписку для просмотра новой серии девятого сезона сериала «Стоячие живые»».

Андреев встал с пола, подошел к окну. Заканчивался февраль. «Система» выкрасила небо в ярко-розовый и накидала фиолетовых листьев на еще мертвые деревья. «Солнце», – подумал Андреев.

«Солнце недоступно в этой версии реальности», – выскоцило уведомление перед глазами. «Выберите цель на день». «Прожить этот день», – выбрал Андреев.

Шесть окон

Первое окно

Горчинский сложил стремянку. Ткнул в смартфон. Камера видеонаблюдения послушно кивнула, посмотрела влево, вправо и замерла. Машины начинали собираться в пробку, будто кто-то неправильно поставил фигуру в «Тетрисе» и теперь судорожно пытается упорядочить падающие невпопад блоки. «Game over», – подумал Горчинский. К метро, постепенно набирая силу и скорость, переливаясь трелями телефонов, журча тонкими и басовитыми голосами, бежал разноцветный людской ручеек. Уже минут через двадцать, пока Горчинский крепит стремянку к багажнику на крыше машины, проверяет настройки камеры видеонаблюдения, ручеек превратится в бурлящую реку. Горчинский сел за руль. Боковое стекло бесшумно скользнуло вниз. Он еще минут пять смотрел на спешащих по своим делам людей. Ровно в восемь утра, сверившись с наручными часами, Горчинский завел двигатель. Рабочий день закончился. Июльское солнце уже разогнало утреннюю синь, выбелило небо. Горчинский зажмурился, пытаясь избавиться от песка в глазах. Машина тихонько тронулась и пристроилась в хвост пробки на шоссе Энтузиастов.

Сегодня Горчинский закончил монтаж на последнем неохваченном участке города. Когда-то ему все это казалось нереально сложным. «Невозможно так обложить человека, предусмотреть все маршруты, «снять» с пациента весь его день», – считал Горчинский. Позже он понял, что не стоило думать о человеке как о существе разнообразном. Изо дня в день, из года в год люди ходят или ездят одними и теми же дорогами, на одну и ту же работу, по пятницам посещают одни и те же кафе, бары, рестораны. У них есть любимый кинотеатр, любимый театр, друзья по одним и тем же адресам, и вот здесь, с друзьями, немного разнообразия – другие кафе, бары, рестораны. Такие, чтобы нравились всем, но снова это будут заведения, в которые люди ходят годами, не меняя привычек. Отдыхают на одном и том же море, на двух, на трех морях, в двух, трех странах. Так выглядит мнимая стабильность человеческой жизни. Все должно быть знакомо и привычно. Любое выбивающееся из привычного потока событие становится не причиной радости оттого, что жизнь полна сюрпризов, а причиной нервозности, беспокойства, а иногда и паники от потери контроля над реальностью. Если даже что-то изменится, совсем скоро и это станет привычкой. Исчезнет одна тропинка, побежит под ногами другая. И снова из года в год человек будет топтать ее, пока не утрамбует в колею, по которой можно уже не идти, а катиться, хотя бы на электросамокате, не боясь кочек и ям, катиться, поглядывая с опаской по сторонам.

Сложнее было установить камеру в квартире на кухне «пациента», но и это перестало быть проблемой, когда люди сами и добровольно окружили себя видеонаблюдением. Горчинский научился подключаться к микрофонам и камерам телефонов, ноутбуков, телевизоров, но все-таки любил по старинке пробраться в квартиру «пациента» и поставить на кухню свою камеру. Только на кухню, ведь именно на кухнях своих квартир люди думают самые светлые и самые страшные мысли. Обсуждают и принимают решения, от которых может зависеть их жизнь и жизнь других. На кухне человек бывает перед собой честнее, чем в церкви, да что там бывает – всегда честнее. На кухне происходит самое ужасное и самое удивительное.

Спустя годы наблюдения Горчинский стал подходить к делу творчески. Теперь он не просто записывал «пациента», а снимал про него небольшое кино, не лишенное операторских изысков. Некоторые копии «фильмов» Горчинский оставлял себе и пересматривал. Бывало, заказчики пеняли на излишнюю кучерявость, по их мнению, отвлекающую от сути, но Горчинский был слишком влюблен в свое дело и не мог лишить себя радости творчества. Заказчи-

кам же нужно было то, что всегда нужно людям, наделенным влиянием и деньгами, – больше денег, еще больше влияния. Ничто не дает столько власти над людьми, как информация. Когда осведомлен о каждом шаге, о пороках, о тайных желаниях и поступках, о которых человек, совершающий их, сам бы предпочел забыть.

Когда Горчинский в первый раз, исключительно ради эксперимента, устанавливал свою камеру на людной улице в центре Москвы, он опасался. Он боялся, что найдется какой-нибудь «ответственный» гражданин и поинтересуется, зачем здесь видеонаблюдение, кто вообще такой Горчинский и в чьих интересах работает. Он думал, что появится полиция и поймает за руку. Но монтажная спецовка с загадочным на спине – «СПЕЦСВЯЗЬ МОНТАЖ» и припаркованный рядом минивэн с такой же надписью по борту делали Горчинского невидимым как для граждан, так и для бдительной полиции. Горчинский верно предположил, что любая спецовка делает человека невидимым в городе. Люди замечают только оранжевые, желтые и зеленые пятна, непонятные аббревиатуры на спинах. Городская армия дворников, работяг, монтажников легко могла бы захватить за считанные минуты Кремль, и никто ничего бы не понял. Невидимые люди в спецовках, какое до них дело остальным? Пускай копают свою траншею, укладывают трубы, ровняют асфальт, метут улицы – они никто, всего лишь обеспечивают жизнедеятельность нормальных, занятых настоящим делом людей. Этих самых, спешащих в офис с картонным стаканчиком кофе в руке, с уставшими глазами, нервных и дерганых, с музыкой в ушах и бессмысленной информацией в мозгах, льющейся, минута критический аппарат, с дисплеев смартфонов в метро. Невидимая армия города, которую просто пока еще никто не прибрал к рукам, не внушил целей, не сформировал для нее идеологию и не написал устав.

Все настолько привыкли к камерам везде, где только можно, что никто не обратит внимания на еще одну. Вот на дороге торчат три камеры, а завтра четыре, и что? Значит, так надо. Вот на улице была одна, завтра две. Да какая разница? Люди переживают, что мессенджер отправляет их данные на сервера в далекой Америке, и абсолютно не волнуются, что каждый день за ними наблюдают тысячи объективов. Это нормально, это нужно для обеспечения безопасности. Это для полиции, для МЧС, для еще каких-нибудь служб. Но бояться им нужно не Марка Цукерberга на самом деле, а Горчинского.

Идея устанавливать свои камеры пришла к Горчинскому, когда он работал монтажником в конторе, занимающейся развертыванием систем видеонаблюдения в интересах ГИБДД. Когда-то он приторговывал базами той же ГИБДД и понимал, что любая информация рано или поздно найдет своего покупателя, тем более запечатленная на видео. Десять лет Горчинский устанавливал камеры по городу. Десять лет он совершенствовал систему хранения данных и теперь мог бы потягаться с любой из государственных служб по объему информации. Теперь это его город. Он может узнать что угодно о ком угодно. Высший наблюдатель, кукловод, судья и палач. Зная самые страшные тайны человека, можно единолично приговорить и казнить его в эпоху тотальной социальной открытости.

Горчинский просыпался ближе к шести вечера, когда город наполнялся людьми, спешащими с работы домой. У них будет совсем немного времени, чтобы пожить. Они найдут время забежать в магазин и пожить в очереди на кассу. Пожить в метро или за рулем. Пожить дома, пока ужинают и смотрят очередной эпизод сериала. К концу недели в пятницу город предложит им толику счастья – пожить так, будто понедельника больше не будет.

В девять часов вечера город упаковывал первую партию поживших по норам. Лязгали дверные замки и засовы, пищали домофоны, загорались в квартирах окна, а на улицах появлялись те люди, что и пожить уже не особо хотят. Их график – по двенадцать часов в день. У них нет желания пожить в очереди на кассу, и потому они в ней умирают. Умирают в метро и за рулем. Умирают дома за ужином, за просмотром очередного эпизода сериала. Но в пятницу они примкнут к шестичасовым и будут счастливы вместе с ними так же недолго, но бурно.

После них часов в одиннадцать город наполнится тенями, они будут тянуться в сторону своих домов, пока работает метро и с вокзалов уходят электрички. Эти не живут и не умирают, их словно нет в физическом мире. Могут работать до одиннадцати, а могут задержаться и до часу ночи. Не живут и не умирают в очереди на кассу; они только что помогали в этом магазине жить и умирать шести- и девятичасовым, пробивая покупки и раскладывая товары по полкам. Не живут и не умирают в метро – они провели здесь весь день, следили за эскалаторами, починяли и прибирались, охраняли, продавали поездки и пополняли транспортные карты. Не живут и не умирают за рулем – они весь день приводили эти дороги и этот город в порядок, чтобы пожили и поумирали те, кого город уже упаковал в норы. Не живут и не умирают за ужином перед очередным эпизодом сериала, они просто смотрят на часы и считают, сколько осталось спать. И в пятницу они не присоединятся к всеобщему счастью, потому что будут помогать быть счастливыми тем другим, не думающим о понедельниках. Станут разносить подносы с едой и напитками, улыбаться за барными стойками.

Но город к ночи высосет энергию из всех, кто прошел за сутки по его улицам, из каждого в определенное время, даст немного подзарядиться и на следующий день снова всех возьмет в оборот. Все уснут – и те, и другие. Горчинский включит камеры, подключится к смартфонам, телевизорам, ноутбукам, прибавит звук и станет смотреть, как спит город людей, выискивая те редкие кухни, где горит свет. Где далеко за полночь сидит человек. Закипает чайник. Человек не спит, а Горчинский жалеет, что нельзя установить человеку камеру в мозг, чтобы увидеть мысли.

Горчинскому не давали покоя эти неспящие люди на кухнях, нарушающие меланхоличную ночную музыку города. Он выбрал семь квартир, где каждую ночь жизнь не прерывается на сон. Ему казалось, что именно в этих кухнях вместе с тайной кроется и глубинный смысл, который ему, Горчинскому, предстоит разгадать.

Горчинский подключился к смартфону Ваксы-мусорщика. Пошла запись с микрофона. Следом – к ноутбуку, включив запись с камеры. Направил камеру, прикрепленную к вышке сотовой связи напротив дома Ваксы-мусорщика, ему в окно. Вакса-мусорщик сидел на кухне. Рядом с холодильником на полу лежали три черных пластиковых пакета. Вакса-мусорщик бойко стучал по клавиатуре ноутбука, улыбаясь мыслям.

Второе окно

Впервые Ваксу-мусорщика Горчинский заметил, подключившись к камерам в магазине «Магнит». Тот стоял в очереди на кассу с тележкой продуктов, и Горчинского удивило, что никто от него не шарахается или хотя бы не отворачивается, зажимая брезливо нос. Вакса-мусорщик был одет в синий рваный рабочий комбинезон, грязный, как показалось Горчинскому, настолько, что запах должен стоять крепкий, жесткий и беспощадный. Такая же грязная вязаная шапка, монтажные перчатки когда-то были белыми; на лице самодельная маска из куска марли. Непонятно как Вакса-мусорщик через нее дышал, казалось, корка грязи на ней совершенно не должна пропускать воздух. В одной руке он держал батон нарезного хлеба и бутылку молока, в другой – острый железный крюк. «Одежда тщательно постирана, раз нет запаха, он не маргинал, не видно, что пьян, но в такой потрепанной одежде даже на работу ходить было бы неприятно», – подумал Горчинский. Дорогие белые кроссовки с тремя айдексовскими полосками, чистые и белоснежные, будто с полки магазина. Горчинский терялся в догадках, он следил за Ваксой-мусорщиком около часа, дожидаясь, когда тот снимет маску. Вакса спустил маску на подбородок, только когда подошел к подъезду своего дома. Горчинский сделал фото и запустил распознавание лиц.

Поиск выдал четыре профиля в соцсетях: Вконтакте, Инстаграм¹, Телеграм, Одноклассники. Во Вконтакте стоял псевдоним – Вакса-мусорщик, в Инстаграме a.vaksin, в Телеграмме – vaksamysorshik, в Одноклассниках – Александр Ваксин.

Александр Ваксин – программист 1С, почти на всех фотографиях – в строгом костюме при галстуке, много фото с рабочего места в офисе, редкие фотографии у моря и немало с женой. Неплохая машина, двое детей: мальчик и девочка. Александр Ваксин гладко выбрит, светлые волосы аккуратно зачесаны на пробор. Слишком усредненный, слишком прилизанный, обтекаемый. «Не бывает таких людей, – думал Горчинский. – Он словно намеренно хочет казаться среднестатистическим, глаза только вот никуда не денешь. Нельзя доверять человеку с такими глазами, слишком прозрачные, будто и не глаза, а жижица за тонким стеклом».

В Инстаграме Александр Ваксин поддерживал именно тот образ, в котором его впервые увидел Горчинский: синий комбинезон, грязная шапка, совершенно невозможная самодельная маска из куска марли, белые кроссовки. Фотографировал Вакса-мусорщик в основном добычу из мусорных баков. Обработанные фильтрами Инстаграма объедки и другие отходы жизнедеятельности выглядели как объекты современного искусства. Горчинский подумал, что подобное даже могло бы быть представлено в какой-нибудь модной галерее. Во Вконтакте и Телеграмме Вакса-мусорщик был более разнообразен. Те же фото, что в Инстаграме, но уже с развернутыми постами под ними. Горчинский насчитал пять разных тегов к постам: #красный, #зеленый, #синий, #белый, #черный.

Под тегом #красный на фото доминировал красный цвет. Казалось, что Вакса-мусорщик специально собирает мусор красного цвета, раскладывает его и фотографирует, но он утверждал в своих постах, что ничего не делает намеренно. То же самое с другими тегами, за исключением #черный. Здесь Вакса-мусорщик наоборот подчеркивал, что черный цвет – уже его рук дело, это его мусор. На фотографиях под этим тегом не было ничего, кроме нескольких туго завязанных черных мусорных пакетов.

Горчинский развернул текст под фотографией, где стояли все пять тегов разом. «Редкий случай, – писал Вакса-мусорщик, – когда я нахожу все цвета в мусоре из одной квартиры. Эти люди самые омерзительные свиньи. Их мусор пахнет гнилью и разложением. У них нет никаких вкусовых привычек, они жрут все подряд. В их мусоре нечем поживиться. Мясо они обглады-

---

¹ Организация признана в РФ экстремистской.

вают до костей и не брезгуют продуктами с душком. Вещи они выкидывают уже превратившиеся в тряпье. Обувь с дырами на подошвах, но, что удивительно, и вещи, и продукты не были дешевыми. Это не так, когда находишь синий мусор. В синем видно, что эти люди нуждающиеся, и потому не выбрасывают ничего, что может еще быть съедено или что еще можно носить. Здесь же – в разноцветном мусоре таится особый вид жадности. Будто эти хотят успеть, пока живут, сожрать, выпить и сносить все, что только можно, словно боятся недополучить, упустить. Хотя черного цвета мусор даже у них бывает редко. Черный практически не встречается. Я не беру в расчет черный цвет мусорных пакетов, меня интересует только содержимое. Мало, очень мало черного цвета. Но я привношу гармонию, черный цвет создаю я. В моих черных мусорных пакетах исключительно черный мусор. Не скажу, что именно в пакетах, но дам вам одну подсказку: черный мусор мне помогают делать те, кто выкидывает мусор разноцветный. Эти – самые прожорливые жадные свиньи. В этом есть ирония и справедливость».

Горчинский закрыл пост и вернулся к наблюдению за кухней Ваксы-мусорщика. Тот закончил стучать по клавиатуре ноутбука и теперь с удовольствием, что было видно по не сходящей с лица улыбки, перечитывал написанное. «Сегодня созрел очередной черный мусор. Мне требуется для этого две недели. В черном, конечно, бывают и другие оттенки, но важна общая гамма», – писал Вакса-мусорщик. Он закрыл ноутбук, зацепил за крюк три черных пакета и вышел из квартиры. Горчинский перешел на камеры в подъезде. Вакса-мусорщик спускался, как спускаются по лестнице дети, – перепрыгивал через две ступеньки разом, возвращался, снова перепрыгивал, скатывался по перилам, приплясывал, старался наступать только в середину плиток на полу. Перед тем как выйти из подъезда, он на несколько секунд остановился, перевел дыхание, прислушался и только потом открыл дверь. Горчинский включил автоматическое слежение по маршруту Ваксы-мусорщика.

Предрассветные краски уже прогнали ночь с горизонта. Птицы еще молчали, но уже был слышен хрустальный утренний звон просыпающегося города. Город в это время суток особенно красив, он глубже из-за теней, из-за мягкого света, из-за уже бесполезного и тусклого блеска еще горящих фонарей, добавляющего в общую картину немного сказочности. Почти нет людей, и кажется, что город без них по-настоящему живой; еще немного солнца – и он задержит дыхание до заката, чтобы не чувствовать запах человеческой жизни. Горчинский сделал кофе и вернулся к наблюдению.

Вакса-мусорщик дошел до помойки, выбросил три черных пакета в один бак и начал шерудить крюком в другом. Наконец, он выудил тугу набитый пакет, вскрыл его и достал из кармана телефон. Горчинский подключился к камере телефона. В пакете преобладали все цвета. Вакса-мусорщик сделал фотографию и стал рыться в пакете, будто хотел найти что-то конкретное. Выудил какую-то бумагу. Горчинский переключился на ближайшую к помойке камеру и приблизил изображение. В руках Вакса-мусорщик держал оплаченный счет за коммунальные услуги. Он сфотографировал адрес и, скомкав, выкинул счет.

Вакса-мусорщик дошел до дома по адресу на счете. Набрал на домофоне код. Дверь открылась. «Интересно, он знает все инженерные комбинации от всех домофонов?» – подумал Горчинский. Вакса-мусорщик поднимался на нужный этаж по лестнице также играючи, будто ребенок. Горчинскому показалось, что он в подобную игру играл в детстве, представляя, что он то ли спецназовец, то ли полицейский, крадущийся в лабиринте с пистолетом в руках. Вакса-мусорщик сел на корточки, прислонился спиной к стене и, сложив ладони так, будто держит в руках пистолет, прислушался, принюхался и, резко вскочив, в три прыжка оказался возле нужной двери. Он достал из кармана маркер и поставил на двери черную точку. Сымитировал бросок гранаты и, стремительно сбежав по лестнице, выскоцил из подъезда.

Дома Вакса-мусорщик снял свои лохмотья, принял душ, еще немного посидел на кухне, над чем-то размышляя, и отправился спать. Горчинский подключился к камере на телевизоре

в спальне. Вакса-мусорщик скользнул под одеяло к жене. Та подвинулась к нему ближе. Он обнял ее и заснул, как показалось Горчинскому, со счастливой улыбкой безмятежного ребенка.

Горчинский вышел из системы. Хрустальный звон тихого утра уже сменился незаметным, если не прислушиваться, гулом заполняющегося людьми города. Горчинский подошел к окну. Внизу стоял высокий мужчина в классическом черном костюме при галстуке и в шляпе. Он смотрел в окно Горчинского. Несмотря на то что с восьмого этажа, где жил Горчинский, было невозможно разглядеть лицо, он четко увидел прямой острый нос, совершенно черные глаза, тонкие губы и бледную кожу лица. Незнакомец улыбнулся Горчинскому, приветственно снял шляпу. Горчинский машинально махнул в ответ, не понимая, кто это вообще. Незнакомец повернулся и не спеша пошел прочь. Горчинский тут же включил систему, активировал все камеры вокруг своего дома, но незнакомца нигде не было. Горчинский еще долго бродил по улицам через свои камеры, но не мог найти мужчину в шляпе. Он просмотрел записи до того момента, как увидел этого человека, ноказалось, что он появился из ниоткуда. «Наверно, мне просто нужно как следует поспать, – подумал Горчинский. – Мерещится черт знает что». С этими мыслями Горчинский лег в кровать.

Горчинский проспал до самого вечера и проснулся от уведомления системы о том, что Вакса-мусорщик вышел из квартиры. Горчинский вскочил с кровати, включил мониторы. Вакса-мусорщик вышел из подъезда с объемной спортивной сумкой в руках и сразу двинулся по вчерашнему адресу, подсмотренному на счете для оплаты коммунальных услуг.

В этот раз Вакса-мусорщик не игрался. Он поднимался на нужный ему этаж уверенно, не дурачась. Вакса-мусорщик постучал в дверь. «Кто?» – спросил женский голос. «Служба газа», – ответил Вакса-мусорщик. «Неужели она откроет?» – подумал Горчинский. «Андрей, подойди, говорят, из службы газа». Щелкнул замок. Мужчина, открывший дверь, смерил взглядом Ваксу-мусорщика. Тот снянул маску на подбородок и одним резким четким ударом в челюсть отправил хозяина квартиры в нокаут. Женщина вскрикнула, но тут же замолкла. Горчинский не мог видеть, что происходит в квартире, и подключился к микрофону телефона Ваксы-мусорщика. Горчинский слышал, как тот насвистывает какую-то мелодию. Горчинскому показалось, что это детская песенка с такими словами: «От улыбки станет всем светлей...»

На мониторе появилось видео с камеры телефона Ваксы-мусорщика. Он сам стал снимать происходящее. Вакса-мусорщик за ноги приволок на кухню сначала мужчину, затем женщину. Оба были без сознания. Александр Ваксин достал из сумки ножовку по металлу, большой мясницкий нож и шприц. Содержимое шприца вколол обеим жертвам. Те очнулись, открыли глаза, но не могли ни пошевелиться, ни сказать что-либо. Вакса-мусорщик установил телефон так, чтобы на видео попали оба. Достал из той же сумки беспроводную колонку с воткнутой в нее флешкой и включил музыку:

«Вместе весело шагать по просторам,
По просторам, по просторам.
И, конечно, припевать лучше хором,
Лучше хором, лучше хором».

Вакса-мусорщик мясницким ножом несколько раз рубанул по локтевым и коленным суставам женщины. Ноги и руки аккуратно сложил рядом. Ножовкой перепилил ей шею. Голову положил в черный мусорный пакет и убрал в сумку. То же самое проделал с мужчиной. Закончил Вакса-мусорщик, когда прозвучал последний куплет:

«Нам счастливую тропинку выбрать надобно,
Раз дождинка, два дождинка – будет радуга,
Раз дощечка, два дощечка – будет лесенка,

Раз словечко, два словечко – будет песенка».

Горчинский смотрел на происходящее, не в силах двинуться с места. Он чувствовал, как подступает тошнота, но все равно не мог оторваться от монитора. Вакса-мусорщик выключил камеру. Горчинский переключился на камеру в подъезде. Вакса-мусорщик убрал голову мужчины в черный мусорный пакет и положил в сумку, туда же отправил инструмент. Управившись, он вышел из квартиры, прикрыл дверь и вышел из подъезда. Дома достал пакеты из сумки и положил их рядом с тремя другими такими же, что уже видел Горчинский.

Александр Ваксин сел за ноутбук. «Через пару недель, когда мусор созреет, я добавлю в мусорные баки такой редкий черный мусор», – написал он в Телеграмме. «Саш, ну зачем ты таскаешь эти пакеты с мусором домой?» – спросила жена Ваксы-мусорщика, когда вошла на кухню. «Так надо, хорошая моя», – ответил Вакса-мусорщик. Жена ничего не ответила, только обняла мужа за плечи и поцеловала в макушку.

Горчинский выключил систему и выбежал на балкон, держа в руках телефон. Он уже собрался набрать 112, когда увидел внизу мужчину в шляпе. И снова, несмотря на восьмой этаж, его лицо было четко видно. Он приложил палец к губам. Горчинскому стало дурно. Перед глазами поплыли разноцветные круги, в голове зашумело, будто он оказался под водой. Незнакомец махнул Горчинскому, словно приглашая того пойти за ним. Горчинский кинулся к мониторам. В этот раз мужчина в шляпе не исчез. Он смотрел именно в ту камеру, через которую наблюдал Горчинский.

Незнакомец перемещался настолько быстро, что Горчинский еле успевал переключаться с камеры на камеру, будто странный тип не шел, а исчезал и снова появлялся.

Когда незнакомец довел по камерам Горчинского до Теплого Стана, то остановился, и Горчинский услышал его голос. Он звучал в голове, будто голос самого Горчинского: «Это самое высокое место в Москве – Теплостанская возвышенность – самый высокий из семи Московских холмов. Вернись сюда через неделю. И не надо никуда звонить». Горчинский сделал метку для камеры и поставил уведомление на автоматическое включение ровно через неделю.

Через неделю, прежде чем подключиться к камере, смотрящей на то место, что указал незнакомец, Горчинский попытался подключиться к микрофону Ваксы-мусорщика. Телефон оказался выключенными. Тогда он активировал камеры в квартире Александра Ваксина. Квартира была пуста. Горчинский просмотрел записи за прошедшую неделю по местам, где мог быть Вакса-мусорщик. Он нашел его у одной из помоек. Тремя днями ранее Вакса-мусорщик как ни в чем не бывало в очередной раз фотографировал мусор. Рядом, в соседнем баке, копались двое. Видно было, что они что-то говорят Ваксину, тот отвечает и в какой-то момент, когда снова отвлекается на фотографию, получает удар пустой бутылкой по затылку. Запинали Ваксу-мусорщика почти полчаса, пока он не превратился в кусок окровавленного мяса. Горчинскому показалось, что это даже не убийство, а казнь.

Горчинский подключился к камере на Теплостанской возвышенности. Мужчина в шляпе уже был здесь. Горчинский видел, что тот указывает ему на что-то поодаль. Горчинский никак не мог понять, что это, слишком большое и размытое, словно не в фокусе. Он переключился на другую камеру, установленную дальше. Появилось очертание двух необхватных то ли столбов, то ли стволов исполинских деревьев. Горчинский максимально отдал изображение. Теперь он увидел, но увиденное не поддавалось осмыслению. Нижняя часть туловища по пояс словно росла из земли. Горчинский и представить не мог, каких размеров могло быть это чудовище в полный рост, если только по пояс оно, казалось, касается облаков. Кровь, гниль, мертвая плоть, вместо коленных суставов тысячи изуродованных лиц, пульсировали монструозные вены на ногах. «Ноги», – услышал в голове голос незнакомца Горчинский. Камера выключилась, и как он ни пытался снова к ней подключиться, ничего не выходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.